

С чего начать? Наверное, с того, что нет человека, приехавшего в Мадрид, который бы не обратил внимание на людей, стоящих на самых оживленных улицах и перекрестках с кипой лотерейных билетов в руках. Их зазывные и громкие выкрики, слыящие крупные выигрыши, обращают на себя внимание, и тогда замечается: люди эти — слепые. И продают они билеты особой лотереи, той, что проводит Национальная организация слепых Испании (ОНСЕ), членом которой все они являются.

Испанцы по характеру своему — люди азартные, рискованные, давно и крепко пристраившиеся к различного рода тотализаторам, лотереям, лото, а в последние годы и к «одноруким бандитам». Утверждают даже, что они идут вслед за американцами и филиппинцами по количеству «играющих» на душу населения, а по обороту легального игорного бизнеса — свыше 20 миллиардов долларов в год — Испания лидирует в Европе. Вот эту-то страсть своих соотечественников и решила обратить во благо группа инвалидов-слепых, объединившихся в общенациональную организацию, которая должна была финансироваться за счет доходов от выпускаемой ею с разрешения властей лотереи.

Расчет оказался точным. Несмотря на все политические бури, которые трепали Испанию на протяжении этих 52 лет, розыгрыши лотереи ОНСЕ не прерывались ни на один день. У организации появились деньги, которые она вкладывала в создание своей инфраструктуры по оказанию помощи и всяческого содействия слепым и в расширение географии продажи все той же лотереи, вначале разыгрывавшейся в каждой провинции отдельно, а с 1984 года ставшей общенациональной. Продавать лотерейные купоны — здесь, как правило, не говорят «билеты» — имел и поныне имеет право любой член организации, но никто иной, это его работа, за которую он получает помимо зарплаты определенный процент от вырученной суммы, что позволяет вполне обеспеченно жить: как правило, его месячный заработок почти вдвое превышает среднестатистическую цифру по стране.

С Индоленсио Санчесом я впервые заговорил несколько недель назад, но его резкий голос, думаю, навсегда и задолго до разговора врезался в мою память: все годы работы в Мадриде он по многу раз на день настаивал меня на углу моего квартала, где рядом с газетным киоском и входом в банк Индоленсио на ногах с утра до вечера настойчиво предлагал свой «товар». Ему 43 года, слепой от рождения, родом из Эстремадуры, жена — тоже незрячая, двое детей — оба зрячие. В 6 лет родители отдали его в специальную школу в Каталонии, где он был на полном обеспечении. Освоил метод чтения по Брайлю, учился хорошо и подумывал даже поступить в университет, но влюбился, женился, и планы пришлось изменить: окончил один из центров профобразования для слепых и какое-то время работал телефонистом.

— В Мадрид переехал из-за детей, — говорит он, — хотел, чтобы они выучились, поэтому самому пришлось взяться за эту работу. Она выгоднее других, немудреная — стоишь на свежем воздухе и покрываешь. Постоянных клиентов знаю, кажется, даже в лицо, они мне рассказывают о своих делах, о детях. Нет, я себя не чувствую ни в чем ущемленным. Жена у меня, кстати, мастер по настройке пианино, также училась в одном из наших центров.

ОНСЕ — СЧАСТЛИВЫЙ ВЫИГРЫШ

Кто заботится о слепых в Испании

Заговорили мы об ОНСЕ. Для Индоленсио это не просто аббревиатура, ставшая как бы вторым именем, но — живой организм, удачно вписавшийся в окружающую его среду. Среда эта суровая и жестокая по отношению к обычному человеку, не то, что к слепому. И то, что удалось сделать ОНСЕ в защиту обиженного судьбой или болезнью, создать для него не просто нормальные, а нередко и привилегированные условия жизни, — явление высокого социального гуманизма.

Штаб-квартира организации расположена в самом центре Мадрида, рядом со зданием испанских кортесов и площадью Пуэрта-дель-Соль, занимает огромный дом, который знают все. Генеральный директор ОНСЕ, 35-летний юрист Мигель Дуран — фигура одна из самых популярных в стране, человек живой, остроумный, общительный. И думающий, предприимчивый, уже второй раз избираемый на этот очень не простой пост: наверное, говорит он, потому, что «человек у уравновешенный, пытаюсь понять все, что происходит вокруг меня, и делать все профессионально. А главное — людям нужно говорить правду, иногда даже жестоко, но потом сумеешь найти в себе силы объять их».

С этой самохарактеристики начался наш долгий разговор. А в приложении к его официальной биографии, которую мне вручили в отделе печати ОНСЕ, как бы во избежание глупых вопросов нашего брата-журналиста, говорилось: «Мигель Дуран Кампос не является человеком серьезных увлечений или хобби, и это логически объяснимо, так как руководство столь большой организацией и постоянные рабочие поездки не оставляют ему свободного времени для отдыха и занятия мелочами. Тем не менее, иногда выходные дни он посвящает семье, музыке и чтению».

Что же, не будем терять времени. Прошу моего собеседника для начала дать хотя бы краткий словесный «портрет» организации.

— Это самое нетипичное предприятие в мире из тех, которые я знаю, — говорит он. — Ему нет аналога ни в одной стране. У него словно два лица: одно повернуто в сторону социальной защиты слепых, второе — в сторону экономической деятельности, но они зачастую совмещаются. В ОНСЕ около 30 тысяч работающих, 15 тысяч пенсионеров, 2.500 детей, которые живут в пяти реабилитационных центрах, разбросанных по стране, где им предоставлены

все возможности для развития. Мы зарабатываем 300 миллионов долларов (около 2,5 миллиарда долларов) в год.

— Дон Мигель, хотелось бы понять механизм действия вашей организации с самого начала. Скажем, родился слепой ребенок. Горе родителей безмер-

но. Они в отчаянии. Что делать им и что делаете вы?

— В Испании все знают о нашем существовании. Так что первое, что делают такие родители, — посещают один из наших центров. Что делаем мы? Проводим обследование, чтобы определить причину и степень слепоты ребенка. Если требуется, проводим как можно раньше первый тур лечения. Это значит, что группа специалистов той зоны, где он живет, делает все, чтобы ребенок не потерял контакта с действительностью, не потерял на слепоту.

Так мы начинаем формировать его как гражданина и как личность. Мы ведем психологическую работу и с родителями, пытаюсь внушить им отнюдь не трагедию восприятия того, что у них слепой ребенок. Это очень важно, потому что если родители этого не осознают, они начинают его слишком опекают. Наши специалисты пытаются добиться, чтобы слепой ребенок испытывал те же ощущения, что и нормальный, чтобы родители помогали ему освоить такие понятия, как движение, ритм, речь и т. д.

Когда он подрастет, мы с согласия родителей тут же отправляем его в одно из многих специальных дошкольных учреждений под наблюдением хорошо подготовленных специалистов. Но нередко направляем ребенка и в обычную школу, пусть даже она в самой глуши, где с ним работают по нашей путевке специалисты по обучению слепых детей. Тем самым ребенок не чувствует себя обделенным в играх, компании, в дружбе и контактах. В наших специализированных интернатах немало детей, страдающих другими физическими недостатками, не позволяющими им посещать обычную школу.

Ребенок растет, заканчивает школу, поступает в университет. Если он живет вне семьи, мы оказываем ему экономическую помощь — даем стипендию-зарплату, которая вдвое выше минимального среднепрофессионального заработка. Если же с семьей, то ему оплачивают книги, учебные пособия, транспорт, питание, а также дают дополнительные деньги, чтобы он чувствовал себя в определенной степени независимым. Мы помогаем ему любыми материалами, исполненными по методу Брайля, в звукосинтезаторах.

Итак, он окончил университет. Он же имеет много возможностей использовать полученную специальность в рамках своей организации или на других пред-

приятиях, куда вложен наш капитал. Именно поэтому мы вкладываем деньги в различные предприятия, ибо, являясь их частичным собственником, нам легче устраивать туда своих людей. Как видите, деньги работают на человека, на его судьбу. — Но ведь деньги огромные,

на все, кажется, хватает, еще остается, а вы все продолжаете вкладывать, как сообщают газеты. Зачем вам столько денег?

— Чтобы распределить их между членами ОНСЕ. В общей сложности около 200 тысяч человек, так или иначе связанных с организацией. Помимо работающих и пенсионеров, есть и такие, кто не работает и не получает пенсию, но которым мы оказываем постоянную помощь. Не забудьте, что у нас работают не только слепые. К тому же наши пенсии намного выше тех, что дает система социального страхования Испании: мы считаем, что слепому гораздо труднее жить, у него больше расходов.

Повторю: наша задача — всецело добиваться богатства и справедливо распределять его в виде социальных благ. В минувшем году, скажем, мы получили около 200 миллионов долларов чистого дохода. И это после всех расходов на социальные нужды, на зарплату, пенсии и прочее. С этой же целью мы занимаемся и коммерческой деятельностью, не являясь типичным капиталистическим предприятием, но мы живем в капиталистическом обществе, и наша способность к соперничеству и выживанию дает пока хорошие результаты.

— Что вы производите, у вас есть свои предприятия?

— Если это можно назвать производством — наша лотерея. 14 тысяч человек продают наши купоны по всей стране, они имеют минимальную гарантированную зарплату в 1100 долларов в месяц, а также различные надбавки за проданные купоны, так что в среднем зарплата продавца не ниже 1800 долларов в месяц.

Мы участвуем также в деятельности различных финансовых институтов, в туристическом бизнесе, в сфере обслуживания, в средствах массовой информации. Недавно мы стали совладельцами частного телеканала — в нем 25 процентов нашего капитала. Каких-либо специальных предприятий для слепых у нас нет по принципиальным соображениям, а получившие образование трудятся в медицине, в учреждениях связи, в электронике и информатике. Работы они всегда получают с нашей помощью. 35 процентов работающих у нас — слепые женщины, никакой дискриминации в зарплате, естественно, нет. По нашей статистике, кстати, благодаря определенной материальной независимости слепые все реже заключают браки между

с собой, все чаще — со зрячими.

— Есть ли у вас своя медицинская служба?

— Конечно. Это специальное медицинское обслуживание, по договору с частными клиниками. И на очень хорошем уровне. Хотя ОНСЕ входит в систему социального страхования Испании, предусматривающего медицинскую помощь, мы можем себе позволить эту роскошь. Больше того, мы создали у себя фонд, который ежегодно отчисляет свыше ста миллионов долларов в помощь другим категориям инвалидов и их материальной поддержке и создания рабочих мест на дому.

Значительные суммы выделяем мы и на пропаганду того, что делаем для слепых в Испании. С этой целью приглашаем сюда людей из многих стран, в первую очередь из Латинской Америки. Были бы очень рады принять у себя и советских коллег из общества слепых, с которыми у нас активные связи. Пусть приедут на несколько месяцев, мы им с удовольствием все объясним.

Жестокая формула: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Похоже, деятельность ОНСЕ обернулась не только поистине уникальным социальным экспериментом, но и рождением — пусть в миниатюре — некоего в высшей степени гуманного экономического механизма. Уверенно могу сказать, что слепые в Испании живут лучше миллионов зрячих, в достатке, с достоинством, не опасаясь за свой завтрашний день. Пытаться копировать организацию и функционирование этого сообщества «независимых слепых» вряд ли перспективно, но понять его, изучить в деталях и позаниматься что-то полезное, наверное, есть смысл.

— В Испании очень слабая социальная солидарность, — говорит Мигель Дуран. — Пока мы не можем похвастаться тем, что у нас все отверженные — бродяги, калеки, бездомные, безработные — социально защищены. Решить эту проблему субсидиями из бюджета невозможно. Важно включить людей в производительный труд. Могу сказать, что мы делаем все, чтобы члены ОНСЕ никогда больше не относились к категории отверженных обществом.

— Как-то вы сказали, что ОНСЕ — дело вашей жизни, что за него вы готовы встать на эшафот. По-моему, вы уже практически осуществили свою мечту в нынешнем облике организации. Скажите, считаете ли вы себя счастливым человеком.

— Кто-то определяет счастье как полное отсутствие боли. В этом смысле, конечно, нет. Я испытываю боль за многое происходящее в Испании и в мире и потому не могу сказать, что абсолютно счастлив. Да, я чувствую большое удовлетворение тем, что мы делаем здесь, в ОНСЕ, и своей семейной жизнью, и отношениями с товарищами. А что касается полного счастья, то очень сомневаюсь в его существовании.

...На углу моего дома Индоленсио с раннего утра занял свое обычное место, и я опять слышу его знакомый голос, предлагающий купон лотереи и слышащий многомиллионный выигрыш. И думаю, что сама ОНСЕ — это счастливый выигрыш для сотен тысяч таких, как он, судьбой лишенных зрения, но чувствующих себя равноправными членами общества.

В. ВЕРНИКОВ,
соб. корр. «Известий».

МАДРИД.

28

ИЗВЕСТИЯ

г. Москва

2

1 ИЮЛ 1990